

РЕЦЕНЗИИ

Сулачев Н. Л. Лингвистические атласы. Аннотированный библиографический указатель. Л.: Издательский отдел Библиотеки АН СССР, 1984. 158 с.

В настоящее время издано около 300 лингвистических атласов, на базе которых создано большое количество монографий и статей, посвященных лингвогеографии. Опубликованные атласы, разумеется, являются трудами разных типов; они построены на различных общетеоретических концепциях и методах составления лингвистических карт, ставят перед собой неодинаковые задачи, имеют различный объем. В связи с этим давно назрела необходимость в каком-то хотя бы кратком сводном каталоге (справочнике или указателе), который давал бы общую информацию о каждом из атласов. Это способствовало бы лучшему ознакомлению широкой научной общественности с каждым атласом (ведь преобладающее большинство опубликованных атласов, в частности региональных, выпшедших в одних странах, остается неизвестным или малоизвестным для специалистов других стран, особенно когда речь идет о языках разных генетических групп, разных континентов). Такой справочник способствовал бы обмену опытом, что имело бы большое значение для дальнейшего усовершенствования как практических (методика) аспектов, так и разработки ряда теоретических вопросов лингвогеографии.

В свете сказанного следует приветствовать публикацию рецензируемого библиографического указателя, который с соответствующими дополнениями подготовлен на основе ранее изданного этой же Библиотекой каталога лингвистических и этнографических атласов [1].

Структура указателя обычна для изданий такого типа: после краткого введения «От составителя» (с. 3—6) следуют аннотации, расположенные по семьям и группам языков (а в пределах группы по подгруппам и отдельным языкам в хронологическом порядке выхода атласов из печати): и.-е. языковая семья (славянская, балтийская, германская, кельтская, романская, иранская, индоарийская группы; греческий, баскский языки — с. 7—95), семито-хамитская семья

(с. 96—97), семья банту (с. 98—99), уральская семья (с. 100—102), алтайская семья (с. 103—104), японский язык (с. 105—107), китайско-тибетская семья (с. 108—111), тайская семья (с. 112) и австронезийская семья (с. 113). В отдельный подраздел выделены «Межязыковые регионы» (с. 114—119), где аннотируются атласы определенных регионов, на которых размещено несколько языков разных типов. После основной части идут вспомогательные подразделы указателя: «Список сокращений» атласов и периодических изданий (с. 121—128), «Указатель атласов» (с. 129—137), «Указатель языков и диалектов» (с. 138—140), «Указатель географических названий» (с. 141—148) и «Именной указатель» (с. 149—155).

Книга Н. Л. Сулачева, безусловно, очень нужный и полезный справочник. Она содержит 234 аннотации, в каждой из которых, кроме обыкновенных библиографических данных об атласе, отмечается и его принятое сокращение, даются сведения о его составителях (если они отсутствуют в описании атласов), об обследованной территории, сетке опорных пунктов, об объеме и общем составе анкеты, о способе собирания материалов и принципах записи диалектной речи, методике картографирования, составе карт, содержании комментариев. Аннотации завершают сведения о вопроснике (если он не включен в состав атласа) и иногда об исследованиях, созданных на материалах атласа.

Материалы для составления указателя автор в преобладающем большинстве случаев добывал путем непосредственного изучения описываемых атласов. Однако значительную часть необходимой информации пришлось собирать из разных библиографических справочников, статей и рецензий. Понятно, что данное обстоятельство не позволило сохранить единообразие аннотаций. Особенно это касается различия в приемах картографирования, в способе подачи диалектных данных, в методологических предпосылках, в со-

держании и в частных задачах атласов» (с. 5). В целом можно отметить, что большей обстоятельностью и полной отличаются аннотации на атласы романских языков. Здесь довольно последовательно, тщательно расписаны отдельные тома и выпуски многотомных изданий, в основном выдерживаются все пункты схемы аннотации, нет пропусков и пр. Чувствуется, что автор указателя — романист. Однако достаточно тщательно представлены и атласы других и.-е. языков, в частности, германских, славянских, балтийских. В случаях, когда оригинальные названия аннотируемых атласов передаются не на основе кириллического, латинского и греческого алфавитов, то они транскрибируются русской графикой, например, фонетический атлас говоров Японии «Онъин бумкудау» (Токио, 1905).

В целом мы вполне положительно оцениваем рецензируемый труд. Более того, учитывая трудность сбора информации обо всех имеющихся атласах языков мира, мы бы сказали, что Н. Л. Сухачев довольно смело решился на весьма сложное предприятие и свою непростую работу осуществил в общем успешно. Его указатель является ценным справочником не только для работников библиографических отделов библиотек, но и для всех лингвогеографов (и практиков, и теоретиков).

Однако вместе с тем мы считаем нужным указать на отдельные недостатки, упущения, недосмотры в рецензируемой книге и при случае высказать некоторые соображения и пожелания. Свои критические замечания мы будем давать, исходя преимущественно из материалов славянской диалектологии.

Как видно из рецензируемого труда, не совсем простым оказался вопрос о принципе отбора работ для включения в указатель. Составитель по этому поводу делает только следующее замечание: «В указателе отражены и некоторые издания, приближающиеся к типу диалектологических монографий. В этом случае принималась во внимание роль, которую сыграли соответствующие исследования в развитии лингвогеографических идей и методов» (с. 3). С этим в принципе можно согласиться только применительно к тем диалектологическим монографиям, которые в своем составе имеют и атласы. Поэтому считаем, что в указателе лингвистических атласов излишним было помещать аннотации на работы иного профиля, например, на [2]. Этот труд для своего времени являлся очень важным и ценным, однако это не атлас, он имеет только одну суммарную карту диалектного членения русского, белорусского и украинского языков; подобные

карты и труды К. П. Михальчука [3], Е. Ф. Карского [4] (карта после с. 198), К. Нича [5] и др. в указателе не аннотируются. Профиль рецензируемого указателя не соответствует и «Программа полесского этнолингвистического атласа», опубликованная в «Полесском этнолингвистическом сборнике» (М., 1983).

В библиографических указателях обыкновенно даются сведения об опубликованных трудах. Вероятно, этого разумного ограничения следовало бы придерживаться и в данном случае и не включать отдельными позициями аннотаций на рукописные и подготавливаемые к печати атласы. В противном случае составитель так или иначе ставит себя в не вполне удобное положение. Например, вряд ли можно объяснить, почему в рецензируемом указателе отсутствуют аннотации на рукописные национальные лингвистические атласы украинского (первый том вышел из печати в 1984 г., но еще в 60—70-х годах информация о нем содержалась в ряде статей), бакирского, киргизского, туркменского и ряда других языков народов СССР или на подготовленные рукописные украинские региональные атласы М. И. Сюсика, В. И. Лавера, И. В. Сабодоша, Я. Ю. Вакалюк и др., составленные под руководством автора этих строк. В литературе об этих работах также была информация, о некоторых довольно обстоятельная. Рукописный атлас украинских говоров Восточной Словакии В. П. Латын почему-то отдельно не аннотируется, а только между прочим упоминается в аннотации на «Лінгвістичний атлас українських говорів Східної Словаччини» З. Т. Ганудель (с. 15), хотя он обстоятельно описан в литературе ([6], ср. [7]).

В рецензируемом указателе довольно много пропусков, в частности славянских атласов. Досадно, что нет ссылок на атлас В. Ф. Чистякова, в первом выпуске которого на 60 таблицах представлены данные об украинских и русских говорах Кубани [8, 9]. К сожалению, пропущены и работы Ю. Тарнацкого «*Studia porównawcze nad geografią wyrazów (Polesie—Mazowsze)*» (Варшава, 1939), где приводятся 185 карт, и В. С. Ващенко «*3 історії та географії діалектних слів. Матеріали до вивчення лексики говорів середньої та нижньої Наддніпрянщини*» (Харьков, 1962), содержащие 99 карт. Следовало бы поместить и аннотации на «*Studia nad dialektologią ukraińską i polską*» М. Карася (Краков, 1975), где на основании доверенных записей в каждом из 1035 параграфов фиксируется большее или меньшее количество преимущественно лексических противопоставлений на территории западных областей Украин-

ны (аналогичную работу Н. В. Никончука Н. Л. Сухачев аннотирует, см. № 18 на с. 16—17). Пропущены также труды «Der obersorbische Dialekt von Neustadt» З. Михалка (Баутцен, 1962) (106 карт); «Terminologia budownictwa wiejskiego w dialektach polskich» (I—II, Броцлав, 1964—1965) Я. Басары (48 карт); «Słownictwo z zakresu uprawy roli w gwarach wschodniej Białostocczyzny na tle wschodniosłowiańskim» (Броцлав, 1968) Е. Смукловой (приложен атлас, состоящий из 55 карт, в том числе 4 синтетических); «Polskie słownictwo tkackie na tle słowiańskim» (I—II, Броцлав, 1974—1977) Б. Фалинской (вторую часть второго тома составляет атлас из 86 аналитических карт); «Klasyfikacja rzeczowników odrzeczownikowych. Studium ze słownictwa i geografii lingwistycznej» (Броцлав, 1963) В. Помяновской (17 карт); «Zróżnicowanie gwar południowosłowiańskich w świetle faktów słowotwórczych» (Броцлав, 1970) В. Помяновской (73 карты); «Sarišké nářečia» (Sarišské múzeum, 3, Košice, 1972) Ф. Буффы (50 карт). Почему-то не учтена целая серия «Słownictwo Warmii i Mazur» (Броцлав, 1958—1980), к двенадцати томам которой в общей сложности приложено 291 карта. Следовало бы проаннотировать также монографию Р. Я. Удлера «Молдавские говоры Черновицкой области. Консонантизм» (Кишинев, 1964), к которой приложен атлас, состоящий из 144 карт, а также обобщающий труд «Dialektu polskie» (Броцлав, 1973) К. Дейны, содержащий 50 карт, и пр.

В аннотации на «Атлас венгерского языка» (позиция 205) отмечается, что в ходе его подготовки «был опубликован ряд региональных атласов венгерского языка, отражающих состояние отдельных говоров» (с. 102). Однако автор почему-то этих атласов не упоминает в своем указателе, хотя среди них имеются и довольно солидные работы. Например, «Örségi és Hetési nyelvatlasz» («Лингвистический атлас Ершега и Гетеша») Й. Вейга (Будапешт, 1959), состоящий из 219 карт, в том числе двух вспомогательных. Сетку его составляют 47 населенных пунктов; атлас сопровождается обстоятельной вступительной теоретической частью, характеристикой обследованных сел, комментариями, индексами, списком литературы и пр. (189 с.); «A jugoszláviai Muravidék magyar tájnyelvi atlasz» («Венгерский диалектный атлас югославского Помурья») О. Панавин (Будапешт, 1962), где в текстовой части кратко излагаются вступительные замечания, характеризуются фонетические и морфологические особенности языка словенских венгров, а в атласе (сеть 20 населенных пунктов) помещено 140 карт (первая

вспомогательная); «A Szerémségi magyar szigetek nyelve» («Венгерские языковые острова в Серейштейге») также О. Панавин (Будапешт, 1972), где во введении дается характеристика этнических, социально-экономических и языковых особенностей каждого из 12 населенных пунктов, входящих в сетку атласа, состоящего из 113 карт, и пр.

На «Alas gwar bojkowskich» собственно аннотации составитель почему-то не дал. Он ограничился лишь замечанием «...AGB подготовлен С. Грабцем, В. Лукашиком-Шуловской и Е. Вольнич-Павловской под руководством Я. Ригера. Отражен материал полевого анкетирования» (с. 15). Информация эта не совсем верная. С. Грабец (1912—1972) в подготовке этого атласа участия не принимал. AGB составлен на разных материалах: использованы еще предвоенные (начиная с июля 1937 г.) записи С. Грабца в 70 селах, данные из трудов, отмеченных в указателе в позициях 9—11, иные источники, специальные для AGB записи. Сетка AGB имеет 185 пунктов.

Слишком лаконичны и бедны аннотации на немецкие атласы, приводимые под номерами 47—49, 53, 66, 68, и атласы других германских языков — позиции 82, 83, 85, 86, 93 и др. В аннотации № 37 на «Sorbischer Sprachatlas» следовало бы упомянуть серию выпусков текстов: Н. Fasske, Н. Jentsch, S. Michalk. Sorbische Dialekttexte. I—X (Bautzen, 1963—1972).

В аннотации № 55 на «Deutscher Wortatlas» [Bd. 1—22. Hrsg. von W. Mitzka, L. E. Schmidt (Schmitt). Giessen, 1951—1980] необходимо было указать на много томное издание «Deutsche Wortforschung in europäischen Bezügen. Untersuchungen zum Deutschen Wortatlas» (Т. I. Giessen, 1958 и сл.), а в аннотации № 46 на «Deutscher Sprachatlas» — монографию «Handbuch zum Deutschen Sprachatlas» (автор — В. Митцка).

Встречаются разные фактические неточности и недосмотры. Например, характеризуя «Atlas jezykowy dawnej Łemkowszczyzny», Н. Л. Сухачев пишет, что он «составлен по материалам, собранным в 1934—1935 гг. в Краковском и Жешувском воеводствах Польши (в настоящее время территория Львовской обл. УССР) — 72 пункта, а также в Чехословакии — 7 пунктов» (с. 12). Указанная территория теперь принадлежит ПНР, в пределах Чехословакии обследовано и включено в сетку не 7, а 8 населенных пунктов. В аннотации на «Atlas gwar mazowieckich» отмечается, что все пять его томов подготовили Г. Городиская-Гадковская и А. Стжижевская-Заремба, а между тем авторами второго — четвертого томов являются А. Ковальская и А. Стжижев-

ская-Заремба; «Atlas gwar wschodniosłowiańskich Białostoczyzny» почему-то причислен к белорусским, хотя почти половина пунктов сетки является украинской. Кроме того, его сетку составляют 111 сел, а не 114, как указывается в аннотации (с. 19). К. Нич редактировал не все тринадцать томов «Малого атласа польских говоров», а только два первые. Руководил подготовкой и осуществлял редактирование всех остальных томов М. Карась. Не отмечено, что «Beiträge zum sorbischen (wendischen) Sprachatlas» П. Вирта в 1975 г. был переиздан в Баутцене фотомеханическим способом; переиздание других атласов (в частности, романских языков) последовательно отмечается (см. аннотации №№ 130, 141—143 и др.). Вопросник, по которому собирались материалы для словацкого атласа, датируется не 1946, как в указателе (с. 25), а 1947 г.

Во вступительных замечаниях составителя рецензируемого указателя отмечается, что «аннотацию завершают сведения о вопроснике, если он не включен в состав издания» (с. 4). Тем не менее это последовательно не поддерживается. В аннотации, например, на «Диялекталагічны атлас беларускай мовы» (Минск, 1963) не упомянуто «Праграма па вывучэнню беларускіх гаворак і збіранню звестак для складання дыялекталагічнага атласа беларускай мовы» (Минск, 1950).

Нет также последовательности, когда в аннотациях на многотомные издания указатель в одних случаях фиксирует библиографические сведения о каждом томе (см. №№ 28, 35—37, 39, 59, 118, 119, 227 и др.), а в других такие данные почему-то отсутствуют (см. №№ 27, 30—32 и др., это же касается и таких важных трудов, как польский, немецкий, французский, японский национальные атласы).

После перепечатки текст указателя следовало бы более внимательно вычитать, ибо, к сожалению, допущено немало корректурских недосмотров, в частности в некоторых славянских и других написаниях.

Наши замечания в основном сводятся к полноте охвата опубликованных лингвистических атласов и обстоятельности аннотаций на них. Безусловно, что одному человеку, да еще за сравнительно короткое время, подготовить сводный обстоятельный указатель таких трудов, как лингвистические атласы, довольно сложно. Тем не менее попытка Н. Л. Сухачева в общем оказалась удачной.

Весьма желательно, чтобы этот указатель в ближайшее время был переиздан, причем значительно большим тиражом. В этом случае в новом переработанном и дополненном издании аннотированного указателя лингвистических атласов, как

представляется, следовало бы привести сведения о рецензиях, опубликованных на атласы, что существенно обогатило бы общую информацию о каждом аннотированном труде. Желательны были бы для иллюстрации и образцы карт (или их фрагментов), пусть не из всех атласов, а только из наиболее важных (например, национальных), различающихся по технике исполнения, лингвогеографическим школам, направлениям, типам атласов и пр. Это в значительной мере расширило бы и конкретизировало общее представление о том или другом атласе, эффективно способствовало бы обмену опытом и т. д.

Пользуясь случаем, хотелось бы указать на большую необходимость подготовки (серии) специальных указателей карт лингвистических атласов отдельных языковых семей, например, славянской, романской, германской и пр., или только отдельных языков, особенно располагающих сравнительно значительным их количеством, в частности польского, французского, румынского, немецкого. Думается, что в этом случае, кроме собственно атласов, следовало бы учесть и те написанные в лингвогеографическом аспекте труды (монографии, статьи), в которых изложение материала сопровождается атомарными или синтетическими лингвистическими картами.

Привлекательной является и идея указателя явлений, представленных на лингвистических картах отдельных языков, семей языков.

Дзедзюлевский И. А.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мельникова Т. Н., Сухачев Н. Л. Лингвистические и этнографические атласы и карты: Аннотированный каталог / Под ред. Бородиной М. А. Л., 1971.
2. Дурново Н., Соколов Н., Ушаков Д. Диалектологическая карта русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии. М., 1915.
3. Мизальчук К. П. Наречия, поднаречия и говоры Южной России в связи с наречиями Галичины // Тр. этнографическо-статистической экспедиции в западнорусский край. Т. 7. СПб., 1877.
4. Карский Е. Ф. Белорусы. Т. I. Варшава, 1903.
5. Nitsch K. Dialekty języka polskiego / Encyklopedia polska. Т. III. Kraków, 1915.
6. Наукові записки (Культурного союзу українських трудящих у ЧССР). Т. 8—9. Прішів, 1979—1981. С. 13—14, 156—163.